

— Бредит!?! — Цзян Фанчжоу дрожал от гнева, подошёл к кровати Лю Лияна и, наклонившись, пристально посмотрел на его лицо, чувствуя холодок в спине. — Бредит... и уже хочет, чтобы человек сдох, а если бы был в сознании, что бы он сделал?

Сказав это, он повернулся и бросил на Лю Я убийственный взгляд, затем сделал шаг к двери.

— Стой! — Лю Вэйцзюнь, с суровым лицом, остановил его. — Ребёнок бредит, зачем ты всё так серьёзно воспринимаешь?

Сейчас нельзя портить отношения с этим зятем. Лю Лиян обидел важного человека, и семья Лю находится в шатком положении. Без поддержки компании Цзян в сфере недвижимости неизвестно, удастся ли им справиться.

Цзян Фанчжоу, однако, не послушался, фыркнул, обошёл Лю Вэйцзюня, открыл дверь и с силой захлопнул её, не оглядываясь.

— Папа! Папа! Что делать? Что делать!?! — Лю Я, в панике, стояла на коленях, растерянно бормоча. — Лиян... как он мог быть таким глупым...?

Лю Вэйцзюнь, опираясь на трость, стоял неподвижно, его глаза были полны скрытого смысла. Через некоторое время он холодно произнёс:

— Не переживай, у меня есть план. Сейчас он ещё рано начинает бунтовать.

Сказав это, он бросил равнодушный взгляд на без сознания Лю Лияна, в глазах мелькнуло едва заметное отвращение, и он, нахмурившись, тоже ушёл.

Лю Я растерянно посмотрела на закрытую дверь палаты, затем на своего измученного сына, её дыхание участилось.

Она снова не смогла сдержать слёз.

— Она действительно жалела, как никогда раньше, зачем она вышла замуж за Цзян Фанчжоу.

Вся её жизнь была разрушена семьёй Цзян.

Ради чего всё это?

Из-за того, что Сун Цинсюй был слишком серьёзен и его неприязнь к Бай Мяомяо была едва уловимой, даже такая толстокожая, как Бай Мяомяо, не могла чувствовать себя комфортно в его присутствии. Вечером, когда все собрались, чтобы немного выпить, Цзян Мэнлинь попал в неприятную ситуацию.

После того, как он спал в машине днём и простудился от сквозняка, а потом ещё ипил холодные напитки, а во время ужина с жареным мясом вспотел, результат был предсказуем — он простудился.

Для Сун Цинсюя простуда была серьёзным делом.

Он легко коснулся запястья Цзян Мэнлиня, а затем наотрез отказался позволить ему пить дальше. Он принёс из машины одеяло и укутал его. Все сидели вокруг гриля, в котором горели угли, и было тепло.

Цзян Мэнлинь чувствовал себя неловко. Сун Цинсюй, словно ребёнка, держал его в объятиях,

не отпуская, не позволяя ему пить или двигаться. Если он начинал капризничать, Сун Цинсюй успокаивал его.

Цзян Мэнлинь попытался вырваться, но жар от углей заставил его лицо покраснеть. Его поза была немного неудобной, а одеяло действительно было толстым. Хотя ночь была прохладной, на его висках выступил лёгкий пот.

— Не шали, — Сун Цинсюй наклонился и прошептал ему на ухо, ласково похлопывая по бедру.
— У тебя простуда, оденься теплее, пропотеешь, и всё пройдёт.

Цзян Мэнлинь смущённо оглядел всех. Перед тем, как стемнело, женщины ушли, ведь девушкам поздно возвращаться домой. Единственной, кто остался, была Бай Мяомяо, которая, пьяная, спала в машине. Цзян Мэнлинь и Бай Шаофэн, дождавшись, когда все уйдут, сели поближе.

Из-за производственной практики Бай Шаофэн сейчас работал в небольшом отделе компании «Хуаньцю», поэтому его отношение к Цзян Мэнлиню стало более серьёзным. Ведь его оценка за практику зависела от Цзян Мэнлиня, а профессор Бай Шаофэна был известен своей строгостью. Если он не выполнит требования, Бай Шаофэн точно провалит экзамен.

Плеть отца Бай была не шуткой. Бай Шаофэн чувствовал, что его детство и так было достаточно несчастливым, и лучше не испытывать терпение старика, чтобы не навлечь на себя неприятности.

— Я слышал, что старик Чжоу отпустил того, кто тебя донимал, Лю. Утром услышал новость, но боялся испортить тебе настроение, поэтому не говорил. Что думаешь?

Взглянув на Сун Цинсюй и увидев, что Цзян Мэнлинь не собирается его отпускать, Бай Шаофэн решился высказать то, что держал в себе весь день. Услышав это, Цзян Мэнлинь поднял бровь.

Семья Бай действительно была хорошо осведомлена. Чжоу Шихуа позвонил ему около одиннадцати утра, а Бай уже знали об этом с утра...

— Ничего, я уже знал, — Цзян Мэнлинь не показал ни малейшего удивления, поднял щипцы, поправил угли в печи, затем сел поближе и положил на решётку батат. Он уже знал об этом, и ощущение, что у него есть поддержка, действительно было приятным. Даже «чёрные ходы» были доступны ему легче, чем обычным людям.

Услышав его слова, Бай Шаофэн не проявил особой реакции, но Чжао Бао тут же вскочил:

— Что происходит? Как так, его просто отпустили?

Шутка ли, он сам ещё не успел его наказать, а его уже отпустили?

— Ему не будет легко, — Бай Шаофэн, оставив свою обычную легкомысленность, с хитрым взглядом посмотрел на Цзян Мэнлиня. — Ты тоже, почему ты раньше не сказал нам о своих отношениях с ним? Когда мы узнали об этом утром, я пожалел, что так легко его отпустил.

Цзян Мэнлинь слегка кашлянул:

— Это не так уж важно, у меня есть способы разобраться с ними. Вам лучше не вмешиваться, чтобы не дать повода для обвинений.

Он говорил это, когда его обняли тёплые руки. Сун Цинсюй использовал нэйгун, чтобы согреть его, и, обняв, сказал:

— Ты уже кашляешь, давай поедem домой, а то завтра будет хуже...

Цзян Мэнлинь, которому было слишком жарко, с радостью вырвался:

— Ты прав, давайте поскорее уедем!

Бай Шаофэн и Чжао Бао переглянулись и пожали плечами. Цзян Мэнлинь был действительно странным. Хотя они были хорошими друзьями, он всё время скрывал свои карты. Хотя они не знали, почему он до сих пор не доверял им полностью, но... после просмотра краткой информации о семье Цзян, они, кажется, начали догадываться...

— Ладно, раз уж они друзья, то должны быть более понимающими. Если он хочет хранить секреты, пусть хранит.

Обратный путь был не таким лёгким, ведь в машине была ещё и Бай Мяомяо.

Она была слишком пьяна. Эта девушка была упрямой, и хотя никто не говорил ей пить, она сама вызывала всех на соревнование. Из восьми мужчин она уложила пятерых, но и сама не осталась в выигрыше. Перед тем, как сесть в машину, она вырвала на пустыре, и её лицо стало зелёным.

Бай Мяомяо, закончив, начала вести себя как сумасшедшая. Она села на заднее сиденье, заняв место для двоих, и Цзян Мэнлинь вынужден был тесниться с Сун Цинсюй на одном сиденье, наблюдая, как она «практикует цигун». Бай Мяомяо, закончив цикл дыхания, открыла глаза и с важным видом сказала:

— Сяо Линь, подойди и получи награду!

Цзян Мэнлинь, с каменным лицом, сидя в объятиях Сун Цинсюй, посмотрел на Бай Шаофэна:

— Послушай, ты можешь контролировать свою сестру?

Бай Шаофэн серьёзно покачал головой:

— Не могу.

Бай Мяомяо продолжала буянить, называя себя императором и пытаясь обнять Цзян Мэнлиня, крича:

— Любимая наложница! Сегодня будешь служить мне!

Чжао Бао, сидящий на переднем сиденье, тоже не избежал её пьяных выходок. С каменным лицом он получил семь или восемь поцелуев, и, трогая щёку, смотрел на Цзян Мэнлиня с ехидной улыбкой. Цзян Мэнлинь был в ужасе от того, что Бай Мяомяо тянула его за одежду, но он не мог ударить её, и в душе проклинал свою судьбу.

Сун Цинсюй, казалось, был очень зол, но он не был человеком, который ударит женщину, поэтому он только пытался оттянуть Цзян Мэнлиня к себе, отталкивая Бай Мяомяо другой рукой, и сердито шептал:

— Наглость! Наглость! Наглость!

<http://bllate.org/book/16657/1526884>